

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
7 February 2024
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола
в отношении сообщения № 3073/2017* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Надимом Ханом (представлен адвокатом Дэвидом Мэтасом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор
<i>Государство-участник:</i>	Канада
<i>Дата сообщения:</i>	3 августа 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 2 ноября 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	18 июля 2023 года
<i>Тема сообщения:</i>	отказ в предоставлении постоянного вида на жительство беженцу
<i>Процедурные вопросы:</i>	приемлемость — несовместимость <i>ratione materiae</i> ; степень обоснованности утверждений
<i>Вопросы существа:</i>	жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство виды обращения или наказания; право на уважение семейной жизни и на жилище
<i>Статьи Пакта:</i>	7 и 17
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2, 3 и подпункт 2 b) статьи 5

* Приняты Комитетом на его сто тридцать восьмой сессии (26 июня — 26 июля 2023 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Фарид Ахмедов, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Родриго А. Карасо, Ивонна Дондерс, Махджуб эль-Хайба, Лоренс Р. Хелфер, Карлос Гомес Мартинес, Бакр Вали Ндиай, Эрнан Кесада Кабрера, Жозе Мануэл Сантуш Пайш, Чан Рок Со, Гияна Шурлан, Кобойя Чамджа Кпача, Кодзи Тэрая, Элен Тигруджа и Имэру Тэмэрэт Йыгэзу. В соответствии с правилом 108 правил процедуры Комитета в рассмотрении сообщения не участвовала Марсия В. Дж. Кран.

1. Автор сообщения является Надим Хан, гражданин Пакистана, родившийся 25 октября 1967 года. Он утверждает, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные статьями 7 и 17 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 19 августа 1976 года. Автор представлен адвокатом.

Обстоятельства дела

2.1 13 мая 1997 года автор прибыл в Канаду и обратился с ходатайством о предоставлении ему статуса беженца. 3 февраля 1999 года Отдел по защите беженцев Совета по вопросам иммиграции и беженцев признал его беженцем на основании Конвенции о статусе беженцев. 24 февраля 1999 года автор подал заявление на получение постоянного вида на жительство в Канаде.

Разбирательство в соответствии с пунктом 1 раздела 34 Закона об иммиграции и защите беженцев

2.2 Для определения допустимости автор прошел собеседования 1 ноября 1999 года и 15 марта и 18 октября 2005 года. В результате полученной информации сотрудник Управления пограничных служб Канады в соответствии с пунктом 1 раздела 34 Закона об иммиграции и защите беженцев пришел к выводу, что имеются разумные основания полагать, что автор не имеет права на постоянный вид на жительство в связи с тем, что он являлся членом организаций, занимавшихся террористической деятельностью, а именно Движения Мохаджир Куами (ДМК) и Движения Мохаджир Куами — Хакики (ДМК-Х)¹. 31 октября 2005 года сотрудник Агентства пограничных служб Канады составил отчет о допустимости автора, который был передан на слушание по вопросу о допустимости в Отдел иммиграции Совета по вопросам иммиграции и беженцев. Автор утверждает, что он не получил объяснения того, почему ему не было предложено оспорить свою недопустимость по основаниям, указанным Агентством пограничных служб Канады, учитывая, что такие же основания для недопустимости существовали на момент подачи им ходатайства о предоставлении статуса беженца². Кроме того, в соответствии с определением беженца, содержащимся в статье 1 Конвенции о статусе беженцев, признание автора беженцем на основании Конвенции означало, что не было серьезных причин считать его соучастником какого-либо террористического акта.

2.3 После слушания по вопросу о допустимости, которое состоялось 16 июня 2006 года, Совет по вопросам иммиграции и беженцев постановил, что автор не подпадает под действие пункта 1 статьи 34 Закона об иммиграции и защите беженцев и поэтому не является недопустимым для Канады. Апелляция Министра общественной безопасности на решение Совета по вопросам иммиграции и беженцев была удовлетворена, и 30 октября 2007 года Отдел апелляций по делам иммиграции признал автора недопустимым. Было издано постановление о его высылке.

2.4 В ноябре 2007 года автор обратился в Федеральный суд с ходатайством о разрешении на апелляцию и судебный пересмотр решения Отдела апелляций по делам иммиграции. В августе 2008 года Федеральный суд отклонил ходатайство автора о разрешении на апелляцию. Однако автор по-прежнему оставался беженцем на основании Конвенции о статусе беженцев.

2.5 В июле 2014 года Управление по делам иммиграции, беженцев и гражданства Канады отклонило заявление автора о предоставлении ему постоянного вида на жительство на основании его недопустимости в соответствии с пунктом 1 раздела 34 Закона об иммиграции и защите беженцев. Автор обратился в Федеральный суд с ходатайством о разрешении на судебный пересмотр этого решения. Хотя разрешение было предоставлено, 1 сентября 2015 года Федеральный суд отклонил его ходатайство, поскольку счел решение об отказе автору в предоставлении ему постоянного вида на жительство на основании его недопустимости обоснованным.

¹ В 1997 году это Движение стало известно как Движение Муттахида Куами (ДМК).

² Автор утверждает, что в то время соответствующим положением был раздел 19 1) f) iii) В) Закона об иммиграции 1976 года.

Процесс ходатайства о министерском разрешении

2.6 22 февраля 2006 года, параллельно с рассмотрением дела о допустимости, автор подал ходатайство о министерском разрешении на основании пункта 2 раздела 34 Закона об иммиграции и защите беженцев, которая предусматривает, что «вопросы, упомянутые в подразделе 1, не создают ситуации недопустимости в отношении постоянного резидента или иностранного гражданина, который убедит Министра в том, что его присутствие в Канаде не будет наносить ущерб национальным интересам»³. 28 июля 2011 года и 27 января 2012 года автор представил документы в дополнение к своему ходатайству о министерском разрешении, включая письмо в свою поддержку, подписанное бывшим членом парламента от штата Виктория.

2.7 16 мая 2012 года министр общественной безопасности отклонил ходатайство автора о предоставлении ему министерского разрешения. Автор подал в Федеральный суд с ходатайством о разрешении на апелляцию и судебный пересмотр этого решения. В сентябре 2013 года, после решения Верховного суда от 20 июня 2013 года по делу *Аграйра против Канады (Общественная безопасность и готовность к чрезвычайным ситуациям)*, Управление пограничных служб Канады подало ходатайство о согласии на повторное рассмотрение заявления автора о предоставлении ему министерского разрешения. 8 октября 2013 года Федеральный суд удовлетворил ходатайство и направил заявление автора на повторное рассмотрение.

2.8 В январе 2014 года до сведения автора был доведен проект рекомендации о предоставлении министерского разрешения. Он представил дополняющие его заявление материалы 7 апреля и 6 октября 2014 года. 26 февраля 2015 года ходатайство автора о предоставлении министерского разрешения было отклонено. В своем решении министр рассмотрел доводы автора о том, что его поддержка ДМК/ДМК-Х в Пакистане до его прибытия в Канаду не является эквивалентной поддержке терроризма. Кроме того, автор утверждал, что эта организация не была включена Канадой в список террористических. Автор также сообщил, что 10 апреля 1997 года он был арестован и подвергнут пыткам полицией и членами Движения Муттахид Куами — Альта (ДМК-А). Он также поставил под сомнение уместность отказа в предоставлении ему министерского разрешения при том, что ему было разрешено остаться в Канаде в качестве беженца. Он утверждал, что оставление его в бессрочном состоянии неопределенности противоречит целям Закона об иммиграции и защите беженцев и что он не представляет опасности. Тем не менее министр счел, что продолжительное участие автора в деятельности ДМК/ДМК-Х на протяжении примерно 11 лет, несмотря на угрозы, пытки и аресты, которым он подвергался, свидетельствует о его приверженности этой организации и ее соответствующим целям, «достижимым террористическими средствами». Министр также счел, что автор знал о террористических актах, совершенных ДМК/ДМК-Х, и подчеркнул, что соображения, касающиеся национальной и общественной безопасности, не ограничиваются оценкой нынешней угрозы или риска, который то или иное лицо может представлять для Канады. Что же касается обеспокоенности автора по поводу того, что он, как беженец, может на неограниченное время остаться в состоянии неопределенности, министр заявил, что Канада соблюдает свое обязательство о невыдворении, однако для получения статуса постоянного резидента необходимо выполнить другие требования, предусмотренные канадским законодательством. Министр утверждал, что законодательная схема, установленная парламентом, признает, что некоторые беженцы, признанные таковыми в соответствии с Конвенцией о статусе беженцев, могут никогда не получить статуса постоянного резидента, если будут признаны недопустимыми по серьезным основаниям.

2.9 Автор ходатайствовал о разрешении подать заявление о судебном пересмотре отрицательного решения о предоставлении министерского разрешения. Федеральный суд удовлетворил ходатайство, но 11 декабря 2015 года отклонил ходатайство автора о судебном пересмотре, придя после рассмотрения аргументов автора к выводу, что решение о непредоставлении министерского разрешения было обоснованным, так как

³ Раздел 34 2) Закона об иммиграции и защите беженцев был отменен и заменен аналогичным положением в разделе 36 3) с) действующего Закона.

его доводы были аналогичны тем, которые он приводил в своем заявлении о предоставлении министерского разрешения. Федеральный суд отклонил довод автора о том, что тот факт, что он получил статус беженца и не был лишен защиты как беженец Отделом по защите беженцев за принадлежность к террористической организации, является *res judicata* для целей предоставления министерского разрешения. Суд отметил, что это дело не может быть *res judicata*, поскольку не рассматривалось Отделом по защите беженцев. Суд установил, что нынешний статус автора является прямым результатом применения законодательства в его личных обстоятельствах и что такая возможность, очевидно, предусматривалась парламентом при принятии Закона об иммиграции и защите беженцев. Федеральный суд добавил, что, согласно судебной практике, беженцы имеют право на получение статуса постоянного резидента, если они не являются недопустимыми. Два вопроса, предложенные адвокатом автора для рассмотрения Федеральным судом, были отклонены, что означает невозможность обжалования данного дела в Апелляционном суде.

Содержание жалобы

3.1 Автор утверждает, что он страдает эмоционально и психологически из-за стресса и страха, связанного с его временным статусом. Он утверждает, что, отказав ему в праве на постоянное проживание, государство-участник заставило его жить в состоянии неопределенности в течение последних 20 лет, что равносильно жестокому обращению по смыслу статьи 7 Пакта, учитывая то, что он может в любой момент быть депортированным в Пакистан.

3.2 Автор утверждает, что отказ государства-участника предоставить ему право проживать там на постоянной основе представляет собой посягательство на его право на уважение неприкосновенности его жилища в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Пакта. Он утверждает, что понятие «жилище» в соответствии с пунктом 1 статьи 17 включает в себя страну проживания человека, и это касается не только страны гражданства, но и места, где человек построил личные, социальные и экономические отношения, которые составляют его частную жизнь. Автор утверждает, что из-за неопределенного будущего в Канаде он не смог завязать долгосрочные отношения или завести семью. Он утверждает, что испытывал огромную тревогу и стресс из-за разлуки с семьей в Пакистане и невозможности увидеться с отцом до его смерти в 2013 году. Он также опасается, что не сможет увидеть свою мать до того, как она уйдет из жизни. Автор утверждает, что ему не удалось пустить постоянные экономические корни в Канаде и было трудно, к примеру, рассчитывать на долгосрочное трудоустройство из-за имевшихся у него временных разрешений на работу. Он также утверждает, что никогда не чувствовал себя полноценным членом канадского общества. Он утверждает, что посягательство государства-участника на его право на неприкосновенность его жилища является произвольным и несоразмерным, поскольку это посягательство не обеспечивает справедливого баланса между национальной безопасностью и этим правом в нарушение статьи 17 Пакта.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 6 июня 2018 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения.

4.2 Государство-участник представляет изложение фактов и информации о внутригосударственных разбирательствах, касающихся ходатайства автора о предоставлении ему постоянного вида на жительство. Что касается нынешнего статуса автора в Канаде, то государство-участник указывает на то, что он остается беженцем на основании Конвенции о статусе беженцев и имеет предусмотренное законом право не быть высланным из Канады в страну, где ему грозит преследование или опасность подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, в соответствии с принципом недопустимости принудительного возвращения. Оно утверждает, что не выражало никакого намерения и не предпринимало никаких шагов для депортации автора и что потенциальные

риски, которым он может подвергнуться в случае возвращения в Пакистан, не являются предметом данного сообщения. Государство-участник утверждает, что автор имеет право подать еще одно ходатайство о предоставлении министерского разрешения. Если его ходатайство будет удовлетворено, ситуация в отношении его допустимости не мешает ему получить статус резидента.

4.3 Государство-участник утверждает, что заявление автора о том, что он находится в состоянии неопределенности, что равносильно жестокому обращению в нарушение статьи 7 Пакта и является следствием отказа в предоставлении статуса постоянного жителя Канады, следует признать неприемлемым *ratione materiae* и из-за отсутствия достаточного обоснования. Государство-участник утверждает, что Пакт не предусматривает права на проживание и что необходимо проводить различие между правозащитным обязательством о невыдворении и правом на получение постоянного вида на жительство, который является иммиграционным статусом, регулируемым внутренним законодательством и нормативными требованиями. Оно утверждает, что автор не заявляет о том, что он будет возвращен в Пакистан, а скорее утверждает, что ему отказывают в предоставлении статуса постоянного резидента, который, как ранее отмечал Комитет, не предусмотрен ни Пактом, ни международным правом⁴. Государство-участник добавляет, что сообщение автора основано на тех же фактах и аргументах, которые уже были рассмотрены национальными органами в ходе различных разбирательств, и что Комитет не должен заново оценивать факты и доказательства, за исключением случаев, когда оценка, данная судом, носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии. Автор не смог поддержать фактами суждение о том, что подобное имело место.

4.4 Государство-участник утверждает, что статья 7 Пакта применяется к деяниям, но не применяется к ощущению автора, что он находится в состоянии неопределенности, которое само по себе не может представлять собой пытку или наказание. Хотя статья 7 также защищает психическую неприкосновенность и включает запрет на действия, причиняющие «душевные страдания», государство-участник утверждает, что собственные чувства автора, связанные с неопределенностью его иммиграционного статуса, не достигают порога, определяющего душевные страдания по статье 7.

4.5 Что касается жалобы автора по пункту 1 статьи 17 Пакта, то государство-участник отвергает определение автором страны как «жилища». Оно утверждает, что термин «жилище» в соответствии со статьей 17 включает место, где человек проживает или занимается своими обычными делами, в связи с правом на частную жизнь, а не с проживанием в иностранном государстве. Он также не может быть истолкован как включающий позитивное обязательство предоставить определенный иммиграционный статус, поскольку Комитет ранее придерживался мнения, что Пакт не включает права на убежище, постоянное проживание или гражданство. Государство-участник утверждает, что ссылка автора на практику Европейского суда по правам человека неуместна, поскольку оно не является стороной Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) и поэтому не обязано соблюдать его решения. Кроме того, решение Европейского суда по правам человека по делу *Сисоева и другие против Латвии* касалось иных фактов. Более того, в этом деле Суд заявил, что «только причины особо серьезного характера могут оправдать отказ» в урегулировании статуса⁵. Государство-участник утверждает, что недопустимость автора по причине членства в террористической организации является одной из таких причин. Оно также утверждает, что положения Европейской конвенции о правах человека и Пакта сформулированы по-разному и используют разные критерии.

4.6 Государство-участник утверждает, что автор, по его собственному признанию, имел возможность работать в Канаде, заводить романтические отношения, участвовать в общественной и социальной деятельности и поддерживать

⁴ *Царев против Эстонии* (CCPR/C/91/D/1223/2003), п. 7.5.

⁵ European Court of Human Rights, *Sisojeva and others v. Latvia* Application No. 60654/00, Judgment, 16 June 2005, para. 108.

эмоциональные связи со своей семьей, которая также проживает в Канаде. Оно вновь подчеркивает, что невозможность автора получить статус постоянного резидента не представляет собой посягательства на его права, защищаемые статьей 17 Пакта. Что касается озабоченности автора по поводу встречи с матерью, то государство-участник добавляет, что статья 17 не применяется к воссоединению семьи в отношении членов семьи, которые были разлучены в течение многих лет⁶. Оно приходит к выводу, что ситуация, в которой находится автор, соответствует закону соразмерно его личным обстоятельствам и не является произвольной.

4.7 Государство-участник вновь заявляет, что сообщение является полностью неприемлемым на основании несовместимости со сферой применения Пакта и отсутствия достаточных оснований. Государство-участник утверждает, что, если Комитет сочтет сообщение приемлемым полностью или частично, он должен считать его полностью необоснованным, поскольку автору не удалось доказать какое-либо нарушение прав, защищаемых Пактом.

Комментарии автора в связи с замечаниями государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

5.1 12 августа 2018 года автор представил свои комментарии к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения. Он отвергает аргумент о том, что его заявление о его неосведомленности касательно причастности ДМК и ДМК-Х к террористической деятельности, является неправдоподобным. Он утверждает, что ничто не указывает на то, что его образование включало в себя получение информации о террористической деятельности этих организаций, или на то, что эти организации признали свою причастность к террористической деятельности в течение и до того периода, когда он был связан с ними. По утверждению автора, достоверно известно, что он не был осведомлен о такой деятельности, и государство-участник не установило обратного.

5.2 Автор утверждает, что без проведения слушания или даже собеседования отрицательное заключение о достоверности информации в делах, касающихся беженцев, является произвольным и равносильно отказу в правосудии, как это было установлено Верховным судом в деле *Сингх против министра занятости и иммиграции*⁷. В его же случае решение по его заявлению о предоставлении министерского разрешения было принято без слушания или собеседования. Кроме того, Отдел апелляций по делам иммиграции перепутал разные группировки ДМК. Отдел апелляций по делам иммиграции рассмотрел только вопрос об осведомленности автора о насилии со стороны ДМК-А, являющемся группировкой, к которой автор никогда не был причастен. Выводы Отдела апелляций по делам иммиграции касаются только достоверности информации о неосведомленности автора касательно насилия в организациях и не являются доказательством его осведомленности о том, что организации осуществляли террористическую деятельность.

5.3 Автор вновь заявляет, что признание его беженцем на основании Конвенции о статусе беженцев продемонстрировало, что не было серьезных оснований считать его виновным в совершении какого-либо террористического акта, в соответствии с пунктом F статьи 1 Конвенции. В противовес утверждениям государства-участника автор утверждает, что Отдел по защите беженцев мог бы, если бы пожелал это сделать, рассмотреть вопрос о его несоответствии статусу беженца, но решил не поднимать этот вопрос.

5.4 Автор утверждает, что факты, лежащие в основе его недопустимости, даже если они окажутся точными, являются несущественными по своей природе. Он не был причастен ни к одному террористическому акту и не знал о причастности организаций к какой-либо террористической деятельности. Если бы были серьезные основания полагать, что он виновен в каком-либо акте терроризма, Отдел по защите беженцев

⁶ A.S. v. Canada, communication No. 68/1980.

⁷ Supreme Court of Canada, *Singh v. Minister of Employment and Immigration*, Case Nos. 17904 and others, Judgment, 4 April 1985.

должен был бы лишить его защиты, предоставленной ему как беженцу. Учитывая несущественный характер выводов, сделанных против автора, автор утверждает, что к жестокому обращению, которому он подвергся со стороны государства-участника, следует относиться серьезно. Хотя государство-участник утверждает, что суды пришли к выводу о том, что внутреннее законодательство допускает в отношении его статуса правовую неопределенность, продолжающуюся в течение неограниченного времени, автор утверждает, что такой вывод не решает вопроса о том, допустимо ли это в соответствии с Пактом. Это должен определить Комитет.

5.5 Автор отвергает утверждение государства-участника о том, что ощущение пребывания в ситуации неопределенности не может представлять собой вид обращения по смыслу статьи 7 Пакта. Он утверждает, что постоянное предоставление ему только статуса временного резидента равносильно определенной форме обращения и что его чувства по поводу такого обращения имеют значение для рассмотрения вопроса о том, является ли оно жестоким. Он утверждает, что для беженцев в соответствии с Конвенцией о статусе беженцев, предоставление статуса временного жителя на всю жизнь сродни безгражданству, поскольку беженцы не могут искать защиты в государстве своего гражданства. Он утверждает, что обращение со стороны государства-участника сродни отказу в праве на гражданство и произвольному лишению гражданства, что равносильно жестокому обращению, запрещенному статьей 7 Пакта. Учитывая его статус беженца и связанные с этим риски, его гражданство Пакистана ничего для него не значит. Поэтому автор утверждает, что его жалобы по статье 7 Пакта являются приемлемыми *ratione materiae* и достаточно обоснованными.

5.6 Автор утверждает, что его жалобы по статье 17 Пакта должны рассматриваться в свете некоторых основополагающих и совокупных фактов, таких как: а) невозможность для него вернуться в Пакистан, в том числе для посещения своих родителей; б) его неспособность спонсировать супругу из-за рубежа; в) его трудности с трудоустройством в Канаде из-за его временного статуса, хотя де-факто он и является постоянным; г) его неспособность полноценно участвовать в жизни гражданского общества, несмотря на его интерес к политике; д) тот факт, что для продления разрешения ему приходится проходить сложные процедуры; и е) тот факт, что он прожил в Канаде более 20 лет.

5.7 Автор утверждает, что содержание статьи 17 следует рассматривать не абстрактно, а в контексте фактов его дела. Он утверждает, что Канада является для него жилищем/домом и что в замечаниях государства-участника, утверждающих обратное, не учитывается его статус беженца. Предположение о том, что жилищем/домом является Пакистан, который он не посещал уже несколько десятилетий и в который он не может вернуться, и о том, что страна, в которой он жил последние 20 лет, не является его жилищем/домом, лишает термины «жилище/дом» и «родная страна/страна как дом» всякого разумного смысла.

5.8 Автор опровергает замечание государства-участника о том, что он претендует на право на проживание. Он утверждает, что его претензии заключаются в том, что отказ в удовлетворении его ходатайства о предоставлении министерского разрешения на основании пункта 2 секции 34 Закона об иммиграции и защите беженцев как с процедурной, так и с материальной точки зрения нарушает его права в соответствии с Пактом. Хотя государство-участник утверждает, что членство автора в террористической организации оправдывает решение об отказе в урегулировании его статуса, автор вновь заявляет, что, утверждая это, государство-участник не принимает во внимание факты его дела, его невиновность и то, что это решение было принято несправедливым путем. Он добавляет, что в случае, если Комитет установит нарушение его прав, это не приведет к немедленному предоставлению постоянного вида на жительство, а приведет к повторному рассмотрению его ходатайства о предоставлении министерского разрешения.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 В вербальной ноте от 6 февраля 2019 года государство-участник представило свои дополнительные замечания относительно приемлемости и существа сообщения.

Оно утверждает, что комментарии автора преуменьшают масштабы насилия, совершенного организациями, членом которых он был в Пакистане. ДМК-Х несет ответственность за многочисленные случаи похищений, пыток, убийств и террористических актов. Государство-участник указывает на то, что, утверждая, что факты, лежащие в основе решения о неприемлемости, были несущественными, автор стремится представить совершенное насилие как некую банальность. Оно также утверждает, что решение о недопустимости автора было принято в 2008 году и не является вопросом, который должен решать Комитет⁸.

6.2 В ответ на повторную попытку автора сослаться на то, что он не был лишен защиты как беженец в соответствии со пунктом F статьи 1 Конвенции о статусе беженцев, государство-участник утверждает, что его причастность к ДМК и ДМК-Х была выявлена лишь годы спустя в процессе проверки на благонадежность при рассмотрении его ходатайства о предоставлении постоянного вида на жительство. Оно вновь заявляет, что тот факт, что трибунал по определению статуса беженца не признал его лишенным защиты, не является доказательством того, что он не был членом организации, совершавшей террористические акты.

6.3 Что касается жалобы автора на то, что в ходе рассмотрения его ходатайства о предоставлении министерского разрешения не было проведено устного слушания или собеседования, государство-участник утверждает, что автору было предоставлено устное слушание в ходе рассмотрения его ходатайства о предоставлении ему защиты как беженцу. Он также участвовал в слушаниях в Иммиграционном отделе и Отделе апелляций по делам иммиграции, в результате которых было вынесено решение о неприемлемости его заявления. В ходе этих слушаний было установлено, что его заявление о том, что он не знал о насилии, совершенном ДМК и ДМК-Х, не заслуживает доверия. Поскольку вопрос о недопустимости автора не рассматривался заново и не проводилась оценка достоверности его заявлений, не было необходимости в проведении устного слушания в ходе рассмотрения ходатайства о предоставлении министерского разрешения.

6.4 Государство-участник утверждает, что доводы автора и запрашиваемое им разрешение свидетельствуют о том, что его сообщение носит характер апелляции. Государство-участник ссылается на последовательное мнение Комитета о том, что оценка фактов и доказательств должна осуществляться национальными директивными органами, если только не будет доказано, что такая оценка является явно произвольной или равносильной отказу в правосудии. Государство-участник вновь заявляет, что число ходатайств о предоставлении министерского разрешения, с которыми может обратиться автор, не ограничено, и Комитету нет необходимости выносить решения в его пользу.

6.5 Государство-участник вновь заявляет, что автор не приводит никаких предыдущих соображений или комментариев Комитета в поддержку своей позиции, согласно которой ситуация «жесткой неопределенности», в которой он, по его утверждению, оказался, представляет собой жестокое обращение в нарушение статьи 7 Пакта. Даже если бы невозможность для него получить статус постоянного резидента могла расцениваться государством-участником как «обращение», оно утверждает, что такое обращение не может считаться «жестоким». Кроме того, чувства автора, связанные с неопределенностью его иммиграционного статуса, и жалобы на необходимость продления разрешения на работу не достигают порога душевных страданий, требуемого по статье 7.

6.6 Государство-участник утверждает, что толкование автором статьи 17 Пакта и понятия «жилье» не подкреплено правовой практикой Комитета и является недопустимым расширением его значения за пределы его основного использования в сфере защиты частной жизни. Его нельзя толковать как охватывающее концепцию принадлежности к государству, что отменяло бы законы государства-участника о статусе постоянного резидента и гражданстве. Государство-участник вновь заявляет, что невозможность для автора получить статус постоянного резидента в результате его

⁸ *V.M.R.B. v. Canada*, communication No. 236/1987, para. 6.3.

недопустимости по соображениям безопасности не представляет собой посягательства на какие-либо интересы, защищаемые статьей 17 и что автор не смог доказать, что его положение является незаконным, произвольным или несоразмерным его личным обстоятельствам.

Комментарии автора к дополнительным замечаниям государства-участника

7.1 24 октября 2019 года Комитет, действуя через своих Специальных докладчиков по новым сообщениям и временным мерам, постановил удовлетворить просьбу автора от 19 августа 2019 года о представлении дополнительной информации и доказательств.

7.2 Автор отвергает аргумент государства-участника о том, что он умаляет значение насилия, совершенного указанными организациями. Его утверждение, на которое государство-участник не отреагировало, было направлено на то, чтобы указать на несущественность его связи с подобными актами насилия, а не приуменьшить значение самого насилия. Автор утверждает, что он просит Комитет не произвести переоценку решения о его недопустимости, а установить нарушение статей 7 и 17 Пакта в свете всех соответствующих фактов. Он утверждает, что соответствующие основополагающие факты в его деле, которые государство-участник не рассматривало и не оспаривало, заключаются в том, что он не был соучастником насилия, которое привело к признанию его недопустимым, и не был осведомлен о нем.

7.3 Автор оспаривает утверждение государства-участника о том, что он не был лишен защиты как беженец, поскольку его участие в деятельности ДМК и ДМК-Х было обнаружено лишь позднее, во время рассмотрения его ходатайства о предоставлении постоянного вида на жительство. В своей анкете он указал, что различными способами поддерживал ДМК-Х, работал на него во время выборов 1997 года и что он был похищен и подвергался угрозам со стороны ДМК-А из-за своей поддержки ДМК-Х. Он утверждает, что государство-участник должно было знать об этом в процессе определения статуса беженца. Он ссылается на пункт 1 раздела 19, раздел 45 и пункт 1 раздела 46.01 действовавшего в то время Закона об иммиграции 1976 года, которые позволили бы вынести неблагоприятное решение о соответствии требованиям на момент рассмотрения его ходатайства о предоставлении статуса беженца. Тем не менее он был признан соответствующим требованиям, более того, пункт 1 раздела 46.4 Закона об иммиграции предусматривает возможность отмены этого решения в любой момент. Автор утверждает, что попыток такой отмены решения никогда не предпринималось. Автор утверждает, что государство-участник могло бы дополнительно ходатайствовать об отмене решения о предоставлении автору статуса беженца, принятого Отделом по защите беженцев, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 109 Закона об иммиграции и защите беженцев, который гласит: «Отдел по защите беженцев может по заявлению министра отменить решение по ходатайству о защите как беженца, если он установит, что это решение было принято в результате прямого или косвенного искажения или сокрытия существенных фактов, касающихся какого-либо относящегося к делу вопроса». Пункт 2 раздела 69.2 предыдущей версии закона содержал аналогичное положение. Даже если предположить, что впоследствии была обнаружена какая-либо дополнительная информация, автор утверждает, что это могло произойти только из-за недостатка должной осмотрительности со стороны Управления пограничных служб Канады, поскольку он никогда не пытался скрыть степень своего участия в деятельности ДМК и ДМК-Х.

7.4 Автор утверждает, государство до этого не информировало его о том, что решения об отказе в предоставлении ему постоянного вида на жительство и министерского разрешения были основаны на «обнаруженных впоследствии фактах». Государство-участник никогда не утверждало этого в своих первоначальных замечаниях по приемлемости и существу настоящего сообщения, подобная информация также не упоминалась в решениях, отклоняющих ходатайства автора о предоставлении постоянного вида на жительство и министерского разрешения. Хотя Комитет не должен подменять своим мнением суждения национальных директивных органов, речь идет о новом факте, который не был оценен на национальном уровне.

7.5 Автор утверждает, что государство-участник ошибается, и последующего выявления его участия в деятельности ДМК и ДМК-Х не было, а были лишь различные

оценки уже известных фактов, сделанные различными государственными органами. Такая разница в оценках может быть вызвана только тем, что ответственный сотрудник иммиграционной службы во время определения соответствия автора требованиям для предоставления ему защиты как беженцу не задал соответствующие вопросы и не оценил должным образом его ответы. Автор утверждает, что различные оценки, сделанные в разное время разными органами государства-участника, представляют собой произвольное обращение, допускаемое правовой системой государства-участника, и именно поэтому он обращается международную инстанцию.

7.6 Автор опровергает утверждение о том, что имел возможность воспользоваться устными слушаниями в Отделе по делам иммиграции и Отделе апелляций по делам иммиграции, по результатам которых было вынесено решение о неприемлемости. Просьба его адвоката о проведении устного слушания в Отделе апелляций по делам иммиграции была отклонена. Он продолжил процедуру без устного слушания при том понимании, что вопрос о достоверности предоставленной им информации не будет поднят без такого слушания. Автор утверждает, что ошибка государства-участника в отношении фактов, касающихся разбирательства является неоспоримой. Он отвергает утверждение государства-участника о том, что устные слушания в процессе предоставления министерского разрешения не требуются. Он утверждает, что отрицательное заключение Отдела апелляций по делам иммиграции относительно достоверности предоставленной им информации без проведения устного слушания равносильно отказу в правосудии. Поэтому последующие определения, основанные на этом несправедливом определении, также были несправедливыми.

7.7 Что касается возможности автора в любое время подать ходатайство о министерском разрешении, автор отвечает, что процесс ходатайства является длительным; его собственное ходатайство заняло около 10 лет. Он утверждает, что не обязан исчерпывать необоснованно затягиваемые или дискреционные средства правовой защиты. Повторное обращение с просьбой о предоставлении министерского разрешения или постоянного вида на жительство также было бы бесполезным средством правовой защиты, так как оно было бы связано, по сути, с теми же фактами.

7.8 Автор опровергает, что его сообщение представляет собой апелляцию. Он вновь заявляет о нарушении Пакта, поскольку оценки, проведенные национальными властями, были произвольными и несправедливыми.

7.9 Автор указывает на сходство между статьей 17 Пакта и статьей 8 Европейской конвенции по правам человека, а также на мнение Европейского суда по правам человека о том, что любой форма предоставляемого права на проживание должна позволять осуществлять право на уважение частной и семейной жизни. Меры, ограничивающие пребывание в стране, могут повлечь за собой нарушение статьи 8 Европейской конвенции по правам человека, если они оказывают непропорциональное воздействие на частную или семейную жизнь человека⁹. В его случае меры, принятые государством-участником для ограничения формы его проживания в Канаде, повлекли за собой нарушение статьи 17 Пакта, поскольку они оказали непропорционально большое воздействие на его личную и семейную жизнь и жилище. Посягательство на неприкосновенность его жилища является произвольным не в том смысле, что оно незаконно по законам государства-участника, а в том, что оно неоправданно в его обстоятельствах.

7.10 Автор утверждает, что замечание общего порядка № 15 (1986) Комитета поддерживает его толкование статей 7 и 17, поскольку в нем говорится, что «в определенных случаях иностранец может пользоваться защитой Пакта даже в отношении въезда и проживания, например в случае возникновения сообщений о недопущении дискриминации, запрещения негуманного обращения и недопущения вмешательства в семейную жизнь» (п. 5). Он утверждает, что имеет право на защиту в соответствии с Пактом, поскольку в его случае возникли подобные обстоятельства.

⁹ European Court of Human Rights, *Hoti v. Croatia*, Application No. 63311/14, Judgment, 26 April 2018; *B.A.C. v. Greece*, Application No. 11981/15, Judgment, 13 October 2016; и *Slivenko v. Latvia*, Application No. 48321/99, Judgment, 9 October 2003.

Дополнительные замечания

Со стороны государства-участника

8.1 В вербальной ноте от 29 ноября 2019 года государство-участник представило дополнительные замечания. Оно продолжает утверждать, что вправе серьезно отнестись к членству автора в организации, совершавшей насильственные действия, и к тому факту, что он оставался в этой организации более 11 лет, будучи, как взрослый образованный человек, осведомленным о совершавшемся насилии.

8.2 Государство-участник отмечает, что жалоба автора, как представляется, заключается в том, что его следовало признать недопустимым ранее или что его следовало лишить статуса беженца. Государство-участник утверждает, что оно обладает абсолютной свободой действий в отношении исполнения своих иммиграционных законов. Ни внутреннее, ни международное право не дает автору права диктовать, какие меры принудительного исполнения оно предпримет и когда. Оно также утверждает, что сроки проведения исполнительного производства не являются произвольным обращением, в отличие от того, что заявляет автор.

8.3 Государство-участник отвергает необоснованную попытку автора охарактеризовать свое дело как вопрос, касающийся «обнаруженных впоследствии фактов». Оно вновь заявляет, что причастность автора была обнаружена в ходе проверки на благонадежность, которая привела к процедуре определения недопустимости. Он был ознакомлен с предъявленными ему доказательствами и смог дать устные показания и представить материалы в ответ. Государство-участник не ссылается на какие-либо новые доказательства.

8.4 Что касается утверждения автора о том, что он не был заслушан в устной форме в Отделе апелляций по делам иммиграции, то государство-участник указывает на решение Отдела апелляций по делам иммиграции, в котором говорится, что устное слушание имело место, но что стороны не вызывали свидетелей. Оно утверждает, что, когда члены Совета по вопросам иммиграции и беженцев ушли в отставку до вынесения решения, было назначено новое слушание, и только это второе слушание в Отделе апелляций по делам иммиграции было проведено в письменном виде.

8.5 Государство-участник указывает на принципиальную непоследовательность в рассказе автора. В обоснование своего ходатайства о предоставлении ему защиты как беженцу автор сообщил, что он бежал из Пакистана, поскольку, будучи членом ДМК-Х, опасался политического насилия со стороны ДМК-А и полиции. Он также предоставил в поддержку своего утверждения подробную информацию о таком политическом насилии. Однако государство-участник отмечает, что в настоящем сообщении автор написал, что ему ничего не известно о каком-либо насилии, не говоря уже о терроризме, которое сознательно и целенаправленно осуществлялось этой организацией. Государство-участник утверждает, что при принятии решения об отказе в предоставлении ему министерского разрешения то, вызывали ли доверие его утверждения о том, что он не знал, что такое насилие представляет собой терроризм, не имело решающего значения. Именно его многолетнее членство в организации, совершавшей насильственные действия, стало решающим фактором.

8.6 Государство-участник утверждает, что сообщение должно быть признано неприемлемым *ratione materiae* и из-за отсутствия достаточного обоснования. Чувства автора, вызванные неопределенностью его иммиграционного статуса, не достигают того уровня душевных страданий, который необходим для признания нарушения статьи 7 Пакта. Государство-участник вновь заявляет, что автор не смог доказать нарушение статьи 17 Пакта, поскольку он признал, что может работать в Канаде, иметь романтические отношения, участвовать в общественной деятельности и оставаться рядом со своей сестрой, которая также проживает в Канаде.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет должен решить в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

9.2 Согласно требованиям подпункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

9.3 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что он исчерпал все имеющиеся в его распоряжении эффективные внутренние средства правовой защиты. В отсутствие в связи с этим возражений государства-участника Комитет считает, что подпункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует ему в рассмотрении этого сообщения.

9.4 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что сообщение является полностью неприемлемым *ratione materiae*, поскольку автор, по сути, заявляет о праве на проживание, которое не предусмотрено статьями 7 и 17 Пакта. Он также принимает к сведению довод государства-участника о том, что ощущение автора, что он находится в ситуации неопределенности, не является действием или видом обращения, охватываемым статьей 7. Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в котором он заявил, что в Пакте не содержится какого-либо определения понятий, охватываемых статьей 7, и что цель этого положения заключается в защите достоинства, физической и психической неприкосновенности человека как от преднамеренного, так и непреднамеренного вреда (п. 2)¹⁰. В той мере, в какой утверждение автора касается его предполагаемых душевных страданий, вызванных невозможностью получить статус постоянного резидента, Комитет считает, что статья 3 Факультативного протокола не является препятствием для признания приемлемости утверждений автора по статье 7 Пакта.

9.5 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что понятие «жилище» в соответствии с пунктом 1 статьи 17 не относится к стране проживания и не включает позитивное обязательство по предоставлению определенного иммиграционного статуса. Комитет напоминает, что термин «жилище», используемый в статье 17, следует понимать как обозначение места, где человек проживает или занимается своей обычной деятельностью¹¹. В этих обстоятельствах утверждения автора, касающиеся вмешательства государства-участника в реализацию его права на «родную страну/страну как дома», под которой в его случае понимается страна проживания, не подпадают в сферу охвата *ratione materiae* пункта 1 статьи 17 Пакта. Поэтому Комитет объявляет эти утверждения неприемлемыми в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола, так как они несовместимы с положениями Пакта.

9.6 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что жалобы автора неприемлемы ввиду недостаточной обоснованности. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что решение государства-участника не предоставлять ему статус постоянного резидента представляет собой жестокое обращение, причиняющее ему душевные страдания из-за стресса и страха, вызванных его временным статусом. Автор утверждает, что это поставило его в положение жестокой неопределенности, что равносильно жестокому обращению в нарушение статьи 7 Пакта. Комитет напоминает, что в Пакте не содержится какого-либо

¹⁰ *А.Х.Г. против Канады* (CCPR/C/113/D/2091/2011), п. 10.4; и *Ванчев против Болгарии* (CCPR/C/130/D/2820/2016), п. 7.6.

¹¹ Замечание общего порядка № 16 (1988), п. 5; и *Найденова и др. против Болгарии* (CCPR/C/106/D/2073/2011).

определения понятий, охватываемых статьей 7, и Комитет не считает необходимым разрабатывать перечень запрещенных действий или устанавливать четкие разграничения между различными формами наказания или обращения; эти разграничения зависят от характера, цели и жестокости применяемого обращения¹². Он также ссылается на свою установившуюся практику в рамках статьи 7, состоящую в том, что оценка того, что представляет собой бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, подпадающее под действие статьи 7, зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность и характер обращения, его физические или психологические последствия, а также пол, возраст и состояние здоровья жертвы¹³. Поэтому уровень причиненных душевных страданий должен достичь определенного порога, чтобы представлять собой нарушение статьи 7 Пакта. В данном случае Комитет признает, что неопределенный иммиграционный статус автора заставил его испытывать страдания и стресс. Однако в свете фактов, имевших место в данном деле, Комитет не считает, что решение государства-участника отказать автору в постоянном виде на жительство было равносильно жестокому обращению. Комитет отмечает, что утверждения автора относительно предполагаемых душевных страданий, вызванных этим решением, носят общий характер и что он не представил никаких доказательств в поддержку своих утверждений о том, что перенесенные им страдания и переживания были настолько сильными, что подпадали под действие статьи 7 Пакта. Поэтому Комитет считает жалобу автора по статье 7 Пакта недостаточно обоснованной и, соответственно, неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

9.7 Комитет, однако, считает, что автор достаточно обосновал свое другое утверждение, касающееся произвольного вмешательства в его семейную жизнь в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Пакта, для целей приемлемости, и переходит к рассмотрению дела по существу.

Рассмотрение по существу

10.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

10.2 Автор утверждает, что, отказав ему в постоянном виде на жительство, государство-участник посягнуло его право на уважение семейной жизни в нарушение статьи 17, поскольку возникшая неопределенность в отношении его иммиграционного статуса поставила его положение жестокой неопределенности. Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что автор признал, среди прочего, возможность работать, заводить романтические отношения и поддерживать связи со своей семьей, проживающей в Канаде, и что невозможность для него получить постоянный вид на жительство является законной, не произвольной, пропорциональной мерой и не представляет собой посягательства на его права по статье 17.

10.3 Комитет должен сначала установить, является ли отказ в удовлетворении ходатайства автора о предоставлении ему постоянного вида на жительство посягательством на его право на уважение семейной жизни по смыслу статьи 17 Пакта. Он ссылается на свое замечание общего порядка № 15 (1986), в соответствии с которым в Пакте не признается право иностранцев на въезд или проживание на территории какого-либо государства-участника и что государство в принципе имеет полное право решать, кого оно готово принять на своей территории. Однако в определенных случаях иностранец может пользоваться защитой Пакта даже в отношении въезда и проживания, например в случае возникновения соображений недопущения дискриминации, запрещения негуманного обращения и недопущения вмешательства в семейную жизнь¹⁴. Комитет также ссылается на свои замечания общего порядка № 16 (1988) о праве на личную жизнь и № 19 (1990) о семье, согласно

¹² Замечание общего порядка № 20 (1992), п. 4.

¹³ Там же; и *Vuolanne v. Finland*, communication No. 265/1987, para. 9.2.

¹⁴ Замечание общего порядка № 15 (1986), п. 5.

которым понятие семьи должно толковаться широко¹⁵. В данном случае Комитет отмечает, что автор проживает в Канаде с 1997 года; в 1999 году ему был предоставлен статус беженца. Он также отмечает, что государство-участник не намерено высылать автора в Пакистан и не предприняло для этого никаких шагов. Автор также не утверждал этого в настоящем сообщении. Комитет отмечает, что, судя по имеющейся в деле информации, автору удастся сохранить прочные связи со своей сестрой, шурином и племянницами, которые живут в Канаде. В нем также отмечается, что, судя по имеющейся информации, автору удалось наладить социальные, экономические и эмоциональные связи, включая двухлетние романтические отношения с канадской женщиной. Хотя автор утверждает, что сталкивается с трудностями в поддержании долгосрочных отношений и создании собственной семьи, Комитет отмечает, что он не представил достаточной информации, кроме общих заявлений, чтобы предположить, что это само по себе является следствием его статуса проживания. Что касается предполагаемой невозможности автора посещать свою мать, то Комитет также отмечает, что автор не представил конкретной информации, указывающей на то, каким образом государство-участник препятствовало его возможности поддерживать семейные связи с матерью. В свете всех этих обстоятельств Комитет не может сделать вывод о том, что отказ государства-участника в предоставлении автору постоянного вида на жительство представлял собой произвольное вмешательство в его семейную жизнь по смыслу пункта 1 статьи 17 Пакта.

11. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленная ему информация не указывает на нарушение государством-участником статьи 17 Пакта.

¹⁵ Замечание общего порядка № 16 (1988), п. 5; и замечание общего порядка № 19 (1990 год), п. 2.